

В. Б И А Н К И

ДЕТГИЗ

1948

школьная библиотека

В. Б И А Н К И

КУЗЯ
ДВУХВОСТЫЙ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва Ленинград

1 9 4 8

Рисунки Е. Чарушина

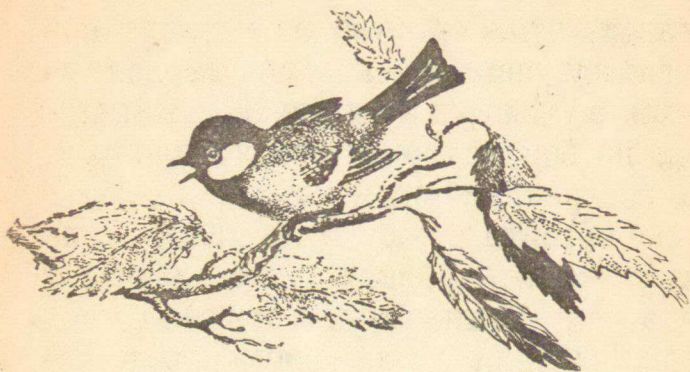
Обложка А. Пахомова

Отзывы и пожелания издательству
направляйте по адресу: Ленинград,
Невский проспект, 28, Детгиз.

1886

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

КУЗЯ ДВУХВОСТЫЙ

Сергейке очень хотелось поймать какую-нибудь птичку, особенно кузю — большую белощёкую синицу. Уж очень они — кузи — весёлые, бойкие, смелые.

Клетка у Сергейки была, а западню ему дали товарищи. На три дня дали.

И в первый же день Сергейке попался в западню кузя.

Сергейка принёс его домой и стал пересаживать из западни в клетку. Но кузя так бился, дрался и кле-

вался, что Сергейка не нарочно выдрал у него несколько перьев из хвоста. И стал кузя двуххвостый: сзади по бокам торчат перья вилочкой, а посередине ничего нет.

Сергейка подумал: „Куда мне двуххвостого! Мальчишки засмеют, скажут: общипанный, в суп его надо“.

И решил кузю выпустить и наловить других птиц. Два дня ещё оставалось у него.

А кузя прыгает себе с жёрдочки на жёрдочку, перевёртывается вниз головой, как обезьяна, и долбит своим крепким клювиком зёрна. Солнце в комнату заглянет, он запоёт.

„Зин-зи-вер, зин-зи-веррр!“ — так весело, звонко, будто никогда и на воле не был, всегда жил в клетке.

Сергейка стал его выгонять из клетки, кузя как крикнет:

— Пинь-пинь-черрр! — как зашипит на него!

Пришлось выставить клетку в окно и открыть дверцу.

Улетел кузя. Сергейка опять западню поставил.

Утром приходит и ещё издали видит: захлопнута западня, кто-то попался. Подошёл, а в западне кузя сидит. Да не какой-нибудь, а тот самый: двухвостый.

— Кузенька! — взмолился Сергейка. — Ты же мне мешаешь других птиц ловить. Один только день и остался мне ловить их.

Он взял западню с кузей и пошёл прочь от дома. Шёл-шёл, пришёл в середину леса и там выпустил кузю. Кузя крикнул:

— Пинь-пинь-черrrrr! — и скрылся в чаще.

Сергейка вернулся домой и опять поставил западню.

На другой день приходит, — опять кузя двухвостый в западне!

— Пинь-пинь-черrrrr!

Чуть не расплакался Сергейка. Выгнал кузю и отнёс западню хозяевам.

Прошло несколько дней, Сергейка скучал и уже стал думать: „За чем я кузю выгнал? Хотя и двухвостый, а какой весёлый“.

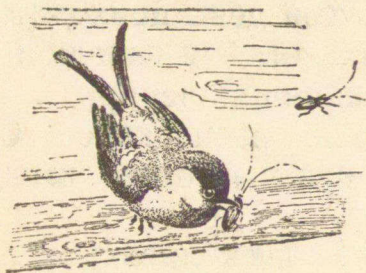
Вдруг за окном:

— Пинь-пинь-черрр!

Сергейка открыл окно, и кузя сейчас же влетел в избу. Прилепился к потолку, перелетел на стену, увидал таракашку, тюкнул его носом и съел.

И стал кузя жить в избе у Сергейки. Захочет — в клетку залетит, зёрнышек поклюёт, выкупается в ванночке и опять вылетит. Сергейка клетку не закрывал. Захочет — по всей избе летает, тараканов ищет.

Склевал всех тараканов, крикнул „пинь-пинь-черрр!“ и улетел.

ТИГР-ПЯТИПОЛОСИК

Пришла осень, и мой подсолнух поспел. Я пошёл срезать его, а Ирка за мной увязалась.

Я ей говорю:

— Всё равно я семечки себе возьму: ведь подсолнух мой.

А она говорит:

— Нет, мой.

Я говорю:

— Как это так — твой? Здравствуйте! Я его посадил. И загородку кругом сделал, чтобы не сломали. Значит, мой.

Она мне:

— А поливала его всё лето я. Значит, мой!

Поливала она — это правда. Просто мне некогда было: всё время охотился на одного тигра. Он в конце сада живёт, в джунглях. Да ведь подсолнух-то я для себя посадил, не для Ирки. Значит, он мой. Правда?

Я и говорю:

— Ирка, — говорю, — лучше не лезь...

Она заревела. А всё равно идёт за мной. Уж такая упрямая!

Так вместе и дошли до загородки, где мой подсолнух.

Смотрю, — что такое? На подсолнухе мой тигр сидит.

Он рыжий. А на спине — раз, два, три, четыре — пять ровных чёрных полос.

Я так и стал. Тигр нас не видел: мы от него за кустами были.

Он сидит и преспокойно себе выковыривает семечки из цветка. Выковырнет их и на задние лапы сядет. Как человек, передними держит семечко — и в рот. Шелуху прочь, а семечко за щеку.

Уж чуть ли не половину семечек выковырял!

Я Ирке:

— Тихо! Стой, не шевелись!

И скорее за рогатку.

Прицелился — бах!

Тигр пискнул — и брык с цветка.

Смотрю — бежит по траве.

Я — за ним.

Он — на забор.

Я подбежал, он — виль — и на другую сторону.

Я Ирке кричу:

— Тут держи!

Сам — через забор.

Он опять на эту сторону:

Ирка, конечно, струсила схватить его, хоть он и раненый: на заборе кровь.

Я поднял сук и со всей силой — раз! — по забору.

В него не попал, а всё равно сшиб.

Он сорвался и в ямку — бух!

Под забором большая была яма. С водой!

Смотрю — плывёт.

Я побежал кругом ямы.

Он вылез — и шасть на дерево! Сухая осина там стояла. Вся в дырках, в дуплах.

Он по стволу — и в дупло. Я заметил, в какое.

Я влез на осину и кепкой дупло заткнул.

— Готово! — кричу.

А Ирка снизу:

— Вот он, вот он! С другой стороны выскочил!

Вот ведь! Я скорее вниз.

Смотрю, сидит на пеньке, на меня обернулся. Щёки оттопырены — уморительная мордаха!

Только я шаг сделал, он свистнул — нырк! — и под корни.

Подошли... смотрим — норка.

Я сел на пенёк с рогаткой и говорю Ирке:

— Беги скорей за лопатой. Я покараулю. Разроем — я его за хвост.

А Ирка говорит:

— Знаешь что? Вот что: молодец пятиполосик! Ты его ранил, а он бегом, и вплавь, и на дерево — не дался в руки. Талант прямо!

Я говорю:

— Зверь, конечно, на рану крепкий. Даже добычи своей не бросил — так за щеками и унёс.

Ирка ко мне на пенёк подсела и говорит:

— Знаешь что? Вот что: у него, наверно, дитёнки. Он семечки своим дитёнкам нёс. И потом ведь он не знал, что это наш подсолнух.

Ну и поехала, и поехала...

— Вот, — говорит, — прибежал пятиполосик к себе домой. Сам весь в крови. Дитёнки с кроваток повскакали. „Папа, папочка! Что с тобой? Кто это тебя так?“ А он им семечек дал, говорит: „Кушайте. Это великан один на меня напал. Ух,

страшный! На задних ногах бегают. Еле-еле от него ушёл“.

Дитёнки от страха трясутся, плачут: „Папочка, сейчас он сюда придёт, всех нас убьёт“.

Тут я говорю:

— Ну вот, Ирка, всегда ты так... А видела, какая у него шкура красивая? Я могу тебе подарить её. Повесишь её над кроватью на стенку. И всем будешь говорить, что это тигр полосатый. Бывают такие — небольшие. Один знакомый мальчик тебе его в лесу убил.

Ирка, глупая, как расхохочется.

— Тигр по цветам лазает! В норке живёт! И как ещё он тебя в клочки не разорвал!

Вот уж эти девчонки! Ничего, ничего в охоте не понимают!

Смеялась, смеялась, потом и говорит:

— Знаешь что? Вот что: давай лучше наш подсолнух пятиполосику подарим. Пятиполосик ведь по-правдашнему — белочка. Маленькая земляная белочка. Она семечками

своих дитёнков кормит. И кладовые себе на зиму набивает. А нам мама семечек сколько хочешь на базаре купит. Калёных попросим: калёные слаще.

А ещё потом говорит:

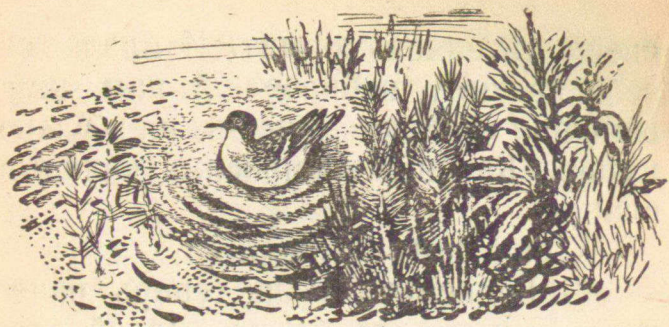
— Бедненький! Он теперь раненый. Ему трудно бегать. Давай срежем подсолнух и сюда принесём к норке ему. Ладно?

Вот всегда она так! Ну, как я теперь на тигра охотиться буду? Какой же он тигр, когда он пятиполосик и с дитёнками?

Правда, что ли, принести ему подсолнух к норке?

Вы как думаете?

ПЛАВУНЧИК

Преудивительная у нас водится птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке — всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А завтра придёте туда, где их видели, — их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, — и тут вам могут попасться на

глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше на болотах, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики — кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на

воде, сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие — пёстро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я увидел, — просто не пойму! Идёшь — все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают — и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето

стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами — прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня, другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

— Вот бездельники! Другие птицы — все на гнёздах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнёзда яйца — и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки франтихи — всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие, — согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принёс!

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит. Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. И сидит. „Туик!“ — говорит. Я сразу понял: „Защити меня“, —

просит. Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят — со мной не справиться, и отлетели. Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — домой с ним. Вот он — видите какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали: что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно. Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он ничего, — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес. В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём

туда разные кулики прилетали, а на ночь — утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза — туик, уик! — вроде, значит, „спасибо“ сказал, „до свиданья“ — и, как ни в чём не бывало, принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец, я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная — ей там хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится.

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

— Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, — туик! — пискнул, вроде „здравствуй“ сказал, и плывёт к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достаёт — закусывает.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, папа, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, — ну, как тут стрелять? Дробь разлетится, — ненароком и его заденет.

Пришла пора — с севера, из тундры, прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками. И исчезли.

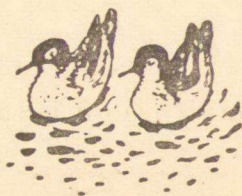
Это они в своё осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них в далёких жарких странах — в Индии, в Индо-Китае и ещё дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, — не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего. Особенно, когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

СОДЕРЖАНИЕ

Кузя двухвостый	3
Тигр-пятитолосик	7
Плавунчик	14

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор *Е. Розова*. Художник-редактор *Ю. Киселев*.
Технический редактор *Т. Лейкина*. Корректор *А. Букреева*. Печ. л. 1¹/₂.
Уч.-изд. л. 0,61. Авт. л. 0,4. Подписано к печ. 1/XII 1948 г. Тираж 150 000.
М-29925. Заказ № 2292. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства
Просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7

408

1886

